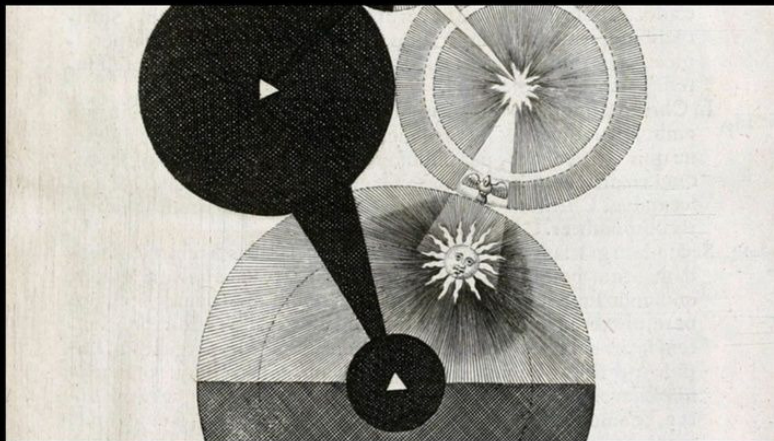

18+

Юлия Мозговая

КНИГА

Местоимения. Она

Юлия Мозговая

Книга. Местоимения. Она

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29829326

ISBN 9785449048059

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Магический реализм о воспоминаниях. Поток сознания о боли, любви и страхах. Тонкая проза, сотканная на грани снов и реальности.

Книга

Местоимения. Она

Юлия Мозговая

© Юлия Мозговая, 2018

ISBN 978-5-4490-4805-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Местоимения. Она

Книга посвящается моему мужу и дочери

– 1-

Каждый месяц в ней умирает маленькая Италия. Со-
чится изящной Арно сквозь пепельные ресницы на грубые
холщовые простыни, касается ладонями чуть ниже поясни-
цы, подгибает под себя колени, изгибается Санта-Тринита
и затихает. Она живёт в темной приторно-душной комнат-
ке на окраине мира. Всего одно окно, завешанное пыльны-
ми кружевными платьями и нижними шёлковыми юбками,
совсем не пропускает свет. Потолочные витражи из стек-
ла, цвета запекшейся крови. Мышино-серые бетонные стены
в пульсирующих венах-трещинах. Крупные трещины забиты

мхом, из тех что помельче, выдаются цветы лаванды и полыни. У стен, на деревянном полу, сложены книги. На противоположной стороне от окна камин, в чреве которого тоже лежат книги. Темно. Кое-где различаются очертания других предметов. Фарфоровый чайник с молоком, красная кружка, фонарь, граммофон, несколько пластинок, что-то свернувшись калачиком, спит по углам, на подоконнике не допитая бутылка горькой травяной настойки. Совсем невидимые вещи остаются недосыгаемы. Посреди комнаты с потолка свисают качели, служащие местом для сна. Возле постели, прямо из пола растёт огромное грушевое дерево, растёт с такой силой, что приподнимает ветвями стеклянный потолок. В одном из углов круглая чаша с водой. Дверей нет. Лишь следы.

– 2 –

Она давно простила всех их, за то что заточили сюда, за то что когда-то заманили, что обещали покой. За то, что отчётливо слышала удары молотков, слышала, как забивают двери, вешают тяжёлые замки и уходят навсегда. Она слышала шаги и голоса знакомых ей людей. Она долго стояла у места, которое еще недавно было дверью, гладила мертвые, истекающие пустотой, доски пахнувшие руками и стыдом. Она прижималась щеками, сидела на полу и ждала, что вот-вот дверь откроется. А после засыпала от голода и усталости. Но она простила их. Простила и вросла в стены. Она даже помнит,

как это случилось.

Ранней весной на закате, она маялась от тоскливых запахов, от соков, поднимающихся по стволам акаций и лип и истеричного пения бесцветных синиц, снимала последнее шерстяное платье, перекладывала сушеную вишню из разбитой банки в шкатулку для украшений. Надевала непроницаемые очки, спасаясь от тоненького луча света. Тихо пела Вертинского. Попытавшись встать, она ясно почувствовала невыносимую тяжесть, и с этого момента стало предельно ясно, что она тоже растет в этой комнате, как грушевое дерево и мох из стен и как вода, неизвестно откуда берущаяся и струящаяся с потолка в чашу и как молоко, которое всегда свежее и теплое и как книги, которых становится все больше и больше.

– 3 –

Она забыла свое имя и размер туфель, всех своих живых и мертвых детей, которых так любила и которые так ненавидели ее. Ее дети тяжёлые камни соли, выплаканных ею слез и высокие горы несбывшихся надежд. Недостигаемые мудрые снежные вершины. Ее дети так далеко и так тихо спят ночами, что даже осколки памяти причиняют нестерпимую боль. Она забыла свою любовь, всех тех, кто ласкал и включал вечером лампу. Всех, кто касался позвоночника, кто смотрел в глаза, кто злил, кого не было, кто бил головой об что-то металлическое, кто называл богом и дьяволом, кто вы-

зывал рвоту и поил вином и кормил хлебом, кто надевал кольцо и снимал свитер. Кто расставлял мышеловки и угощал сыром. Кто пел про свободу и крошки в карманах. Кто стучал в барабаны. Она забыла подруг, которые учили мечтать, страдать, петь, пить, извиваться, издеваться, одну глупую девицу с гигантской грудью, другую красивую как куклу и счастливую как куклу. Она всем раздала поровну по кусочку своего сердца, всем кому была должна. Всем отдалась. И всех их забыла.

– 4–

Чуть привыкнув к себе новой абсолютно пустой и чистой, она долго спала, зарывшись в мягкие пуховые одеяла и пурпурные килты добрых шотландцев, уткнувшись лицом в подушки из странствующих уток, съезжившись до не разделившейся клетки, до птенца вымерших лучеперых рыб, до клубка ускользящих мыслей неразумного художника, что прорезает яростно кистью белоснежное нутро дерева, в попытках запечатлеть ничто. До точки невозврата домой, ночью через кусты сирени, спотыкаясь об уличных котов, стесанные асфальтом колени, мама кричит, домой, мыть ноги и спать. Завтра рано вставать, пить сладкий некрепкий чай с маслом и булкой...

Ей снились глубокие влажные сны о теплой большой воде, солёной и тягучей, мутной и смешанной с неподъемным осенним небом, в которой она тонула, которую пила и ды-

шала, ей снился песок бескрайних выцветших степей, целовавший ее сухие губы. Снились многоэтажные чужие дома, враждебно подмигивающие желтизной вечерних кухонь и вырванные ребра священных животных, лежащие в пыли трамвайных тупиков. Снилось кровь, смешанная с жарким степным ветром и горечью полыни. Молоко, которое она высасывала прямо из земли, припав к земле всем изможденным прозрачным телом. Распухшие от семени головки чертополоха, подсолнуха. Нескончаемая звёздная ночь, перехватывающая дыхание. И сны ее были реальными больными и длились много лет.

– 5 –

И она стала бояться. Боялась проснуться среди дня и не узнать себя, боялась снов. Боялась города, в котором когда-то жила, длинного, бессмысленного, грязного и злого. Людей, незнакомых ненастоящих, их запахи, их выделения и слова, она чувствовала, как пахнут их мысли, она видела, как пульсирует их разбавленная лимфа. Как едут они в электричке, прислонившись потными лбами к стёклам, словно аквариумные рыбки. Она боялась собак, кусавших за голые беззащитные щиколотки, боялась слепящего солнца и свою нелепую тонкую тень. Ее страхи ползали тонкими лентами червей, проникая сквозь поры кожи вглубь ее заповедного леса. Она умоляла оставить ее в чугунном саркофаге покоя, в тишине утренней затерянной в глуши реки, в одиночестве

не родившегося плода в мертвой утробе. Но за ней постоянно брели толпы слепых и голых.

Приподнявшись, и сделав несколько ненужных шагов, так лишь для уверенности в собственных возможностях, она приблизилась к чаше с водой, скинула чёрные одежды и погрузилась в горячую наполненность. Хвойные масла, облепиха и лаванда, жидкость больше походит на травяной эликсир, чем на обыденную церемонию. Постоянно в полусне, уже давно забыла о времени и мире за единственным окном. Она живет в чертогах своего я. Пленница, добровольная затворница, отшельница, это ее исповедь. И, забегая вперед, эта исповедь – единственное, что от нее осталось. Она курит, бесцельно проникая взглядом сквозь потолочные витражи, замасленные от копоти свечей, и видит зимнее небо в отчаянии и страдающих чаек. Ее целует вода, касаясь немой лаской сакральных необнаруженных хрустальных антилоп Им-пала.

– 6 –

Оставляя озера для жителей северных затерянных городов, где живут в скелетах китов, в виде отпечатков босых ступней, она подходит к камину, садится на полосатый цветной коврик и воображает, что в камине вместо стопок книг, действительно танцует пламя. И ей становится жарко. И загораются книжные тела, пылает Золя и как дитя радуется жизни в чреве Парижа. Умирающе тлеет Достоевский, боле-

ет кашляет задыхается от дыма собственных горящих рук. Потрескивает и разлетается искрами Борхес. Лучше всего разгораются тонкие книги из плохой пожелтевшей бумаги Платонова, предназначенные для брошенных младенцев. Вообще русская литература как-то лучше горит, хоть и света дает совсем мало. И сколько бы она не смотрела так и остаётся нетленным кожаный фолиант Булгакова. Теперь ей совершенно тепло и даже бледное лицо пылает от невидимого огня. Все ещё смущаясь наготы перед столькими бумажными мужчинами, она облачается в длинную белоснежную рубашку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.